

Т. Н. Савчук (Минск)

ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Одним из существенных признаков зрелости научной теории является упорядоченность терминологического аппарата. Теория аргументации, начавшая формироваться в конце 60-х годов прошлого века как междисциплинарная область знаний, разрабатывающая проблемы аргументации (убеждающего способа рассуждения), до настоящего времени не имеет сложившейся терминосистемы. Свидетельство тому – терминологическая вариантность, относящаяся, в том числе, к базовым категориям этой области знания. Причем особенно актуальна эта проблема для русскоязычного сегмента научных исследований.

Причины, объясняющие такую ситуацию, можно разделить на три группы. Суть первой в следующем. Большая часть имеющейся на сегодняшний день специальной литературы по теории аргументации является англоязычной, что адекватно отражает географию исследовательского интереса к аргументативной проблематике (доминируют североамериканские и западноевропейские научные школы). Русскоязычные авторы при изложении своих концепций опираются на первоисточники, а значит, прибегают к переводу и неизбежно сталкиваются с трудностями, источник большинства из которых – многозначность английских слов. Одной из наглядных иллюстраций такого рода проблем может служить функционирование ключевого для теории аргументации термина *argument*. При переводе на русский язык он имеет четыре значения: 1) часть умозаключения – посылка вывода,

довод; 2) полное умозаключение, включающее посылку и вывод; 3) аргументативный дискурс, в котором участвует комплекс умозаключений; 4) спор, полемика. Подбор адекватного русского коррелята, очевидно, – дело непростое и ответственное. На это указывают переводчики одной из фундаментальных работ по теории аргументации «Crucial Concepts in Argumentation Theory» [3, с. 9]. Осознавая свою роль в формировании русскоязычного терминологического аппарата, они очень аккуратно подходят к выбору русских соответствий для термина *argument*, употребляя для значения (1) русские эквиваленты *довод*, *аргумент*, *суждение*, для значений (2) и (3) – *умозаключение*, *рассуждение*, *аргументация* [3, с. 10].

Использование лексических вариантов в русскоязычных работах по теории аргументации нередко сопровождается смешением смысловых значений употребляемых номинаций. Трудности перевода – лишь одна из причин терминологической путаницы, которая в данном случае имеет формальный, поверхностный характер.

Другой источник вариантности терминов – различие в понимании природы концептуализируемых понятий, что, в свою очередь, обусловлено приверженностью ученых разным исследовательским парадигмам. Теория аргументации характеризуется междисциплинарностью, поэтому неудивительно, что многие понятия заимствуются ею из других областей знания. Значительная часть таких терминологических заимствований вошла «в понятийный состав аргументации из категориального аппарата логики и методологии науки» [2, с. 269]: *тезис*, *аргумент*, *форма*, *посылка*, *заключение*, *вывод*, *доказательство*, *обоснование*, *истинность*, *правильность*, *доказанность*, *обоснованность* и др. Соответственно, если ученый разделяет логический подход к аргументации, он переносит указанные номинации в аргументативную область без каких-либо семантических модификаций.

Однако на современном этапе явно прослеживается тенденция к дистанцированию от логики, что закономерно ведет к обновлению терминологической системы. Здесь возможны два пути: либо существующие номинации наполняются новым смыслом (например, *тезис*, *аргумент* и *форма* приобретают аргументативное значение, закрепляемое соответствующей синтагматикой: *тезис/форма аргументации*), либо изобретаются новые именованья. В этом случае варианты многообразны. Так, терминообозначения структурных частей аргументации образуют многочисленные парадигмы: аргументируемое положение –

тезис, точка зрения, выражаемое мнение, пропонируемое положение, вывод, заключение; аргументирующее положение – *аргумент, довод, посылка, основание, поддерживающее суждение/положение*; связь между конституентами аргументации – *форма/способ/схема аргументации*. Ситуация осложняется тем, что даже, казалось бы, устоявшиеся термины не отличаются последовательностью употребления. Так, номинации *аргумент, посылка* могут обозначать как одно аргументирующее положение, так и несколько; термин *основание* предлагается использовать лишь для доказательства, а структурный компонент аргументации называть только аргументом [10, с. 161] (причем тавтология **аргумент аргументации* автора, очевидно, не смущает).

«Стремление избавиться от логических коннотаций» терминов побуждает российских исследователей проявлять изобретательность. Так, Л. Г. Васильев предлагает «для ясности употреблять» заглавные буквы при написании ключевых терминов [4, с. 15]. В результате изложение выглядит так: «под аргументом мы здесь понимаем комплекс "Тезис + Доводы + Доказывание"» [4, с. 18]. К сожалению, вопрос о дифференциации терминов в устной речи автором не рассматривается.

Парадоксальным выглядит тот факт, что до сих пор в научном сообществе нет единства относительно статуса термина и концепта *аргументация*. Как следствие – регулярное смешение понятий *аргументация, доказательство* и *обоснование*. В логической парадигме аргументация и доказательство отождествляются, в неориторической – противопоставляются, в философских исследованиях между ними устанавливаются родо-видовые отношения, причем с нефиксированной структурой. Вот краткий обзор мнений: обоснование и доказательство – главные составляющие аргументации, обоснование – обязательная, а доказательство – желательная [5, с. 28–29]; обоснование – логическая форма аргументации, а доказательство – разновидность того и другого [11, с. 8–10]; доказательство и обоснование – логические категории, аргументация – коммуникативная, при этом доказательство – один из приемов аргументации [9, с. 170]; аргументация – сложный вид обоснования, доказательство – простой [7, с. 12]; доказательство – средство обоснования и способ аргументации [2, с. 216]; обоснование – это аргументация, направленная на позитивное изменение позиции субъекта [6, с. 24]. Среди представителей диалектической парадигмы есть тенденция сужать значение аргументации до диалогической коммуникации, как правило, полемического характера, соот-

ответственно, термины *аргументация* и *полемика* используют как синонимы [6, с. 6].

Не отличается единообразием и обозначение участников аргументативного дискурса. Для субъекта аргументации используются имена *аргументатор*, *пропонент*, *аргументирующий/производящий субъект*. Способы именования воспринимающей стороны не менее разнообразны: *реципиент*, *адресат*, *объект*, *воспринимающий субъект*, *оппонент*, *аудитория*. Исследователи подчеркивают активный характер двух сторон аргументативной деятельности, что позволяет считать приемлемыми все конкурирующие варианты, выбор которых – дело вкуса и традиции. Излишне категоричными в этом контексте представляются заявления, подобные следующим: «Понятия объекта и реципиента аргументации неоправданно <...> преувеличивают и абсолютизируют пассивный характер адресата аргументации» [10, с. 157]; «Учесть *многосторонность* адресата аргументации ни одно понятие, кроме понятий "аудитория аргументации", не в состоянии», остальные – «явно беднее» [10, с. 157]. Попытки придать внешним (терминологическим) различиям значение содержательных (концептуальных) здесь вряд ли оправданны.

Наконец, еще одной причиной терминологической вариантности является индивидуально-авторское словотворчество, вызванное, в свою очередь, естественным желанием исследователей творить, изобретать, обогащать традиционные понятийные системы новыми смыслами и, соответственно, именами. Стремление к новаторству, очевидно, заслуживает одобрения.

Результаты научного поиска ученых можно оценивать как удачные в той или иной степени. Так, введение В. И. Чуешовым в русскоязычный научный обиход термина *аргументология* (англ. *argumentology*) представляется вполне уместным вариантом общепринятого в западных исследованиях терминологического выражения *теория аргументации* прежде всего потому, что это позволяет избежать стилистических повторов, дублирования, тавтологических выражений. Однако попытка усложнить семантику этого имени некоей философской составляющей (аргументология – «философия теории и практики аргументации») [10, с. 145] не выглядит однозначной, равно как и мнение о предпочтительности именно этой номинации. Вызывает сомнение адекватность использования родственного термина – *аргументолог* – для именования сознательного пользователя аргументации, т. е. одно-

временно теоретика и практика аргументации [10, с. 183]. Основание для таких сомнений – закономерно возникающий ассоциативный ряд: *филолог, психолог, социолог* и т. п., члены которого содержат сему ‘специалист в определенной области научных знаний’.

К сожалению, некоторые из удачных терминологических новаций, как, скажем, термин А. П. Алексеева «аргументационная конструкция», введенный им для обозначения «логико-лингвистической структуры», реализующей аргументационный текст [1, с. 7], оказываясь в чужих контекстах, слегка видоизменяясь, приобретают содержание, далекое от прототипического. Для сравнения: «Аргументативная конструкция – это интегральная логико-языковая структура, комплексная репрезентация опорных компонентов конкретной реализации аргументативного дискурса: базы, стратегии и тактики аргументации, включающие конкретизированное элокутивное наполнение инвентивно-диспозитивного каркаса, репрезентирующее его особенности во внешней речи, синтезирующей все аспекты модели» [8, с. 55]. Если учитывать, что назначение дефиниции – раскрывать содержание понятия (а не затемнять его!), то подобное «терминотворчество» уместно рассматривать как «изобретение велосипеда», не пригодного для езды.

Подытоживая, отметим, что многовариантность именования базовых понятий теории аргументации имеет двойственную природу, являясь, с одной стороны, отражением проблем номинации, с другой – проблем концептуализации. Неупорядоченность терминологического аппарата – своеобразная «болезнь роста», преодоление которой видится в консолидации усилий ученых и активизации аргументологических исследований.

1. Алексеев, А. П. Аргументация. Познание. Общение / А. П. Алексеев. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

2. Брутян, Г. А. Очерк теории аргументации / Г. А. Брутян. – Ереван: Изд-во АН Армении, 1992.

3. Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

4. Васильев, Л. Г. Аспекты аргументации / Л. Г. Васильев. – Тверь: ТГУ, 1992.

5. Герасимова, И. А. Искусство убеждения в традициях логической науки / И. А. Герасимова, М. М. Новоселов // Мысль и искусство аргументации. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 9–42.

6. Зайцев, Д. В. Теория и практика аргументации: учебное пособие / Д. В. Зайцев. – М.: ИД «ФОРУМ», 2013.

7. Оганесян, С. Г. Аргументация, ее предметная область и возможности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 09.00.01 / С. Г. Оганесян; Ереван. гос. ун-т, Ин-т философии и права НАН РА. – Ереван, 1997.

8. Протуренко, В. И. Советская аргументативная модель в передовых статьях газеты «Правда» периода Великой Отечественной войны: монография / В. И. Протуренко, А. А. Ворожбитова. – Сочи: РИЦ ФГБОУ ВПО «СГУ», 2012.

9. Свинцов, В. И. К вопросу о соотношении понятий «аргументация», «доказательство», «обоснование» / В. И. Свинцов // Философские проблемы аргументации. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1986. – С. 165–172.

10. Чуешов, В. И. Основы современной логики: учеб. пособие / В. И. Чуешов. – Минск: ООО «Новое знание», 2003.

11. Яскевич, Я. С. Аргументация в науке / Я. С. Яскевич. – Минск: Университетское, 1992.